
РЕЦЕНЗИИ

К. Н. ЛЮБУТИН

**Вершинин С. Е. Жизнь – значит надежда.
Введение в философию Эрнста Блоха**

(Екатеринбург, 2001)

У философии выдающегося немецкого мыслителя Эрнста Блоха (1885–1977) в России трудная судьба. Начиная с середины 1930-х гг., с дискуссии о роли экспрессионизма в журнале «Интернациональная литература» и до 1990-х гг. реакция на его идеи и его философию надежды в ГДР и СССР была сугубо отрицательная. Но и в странах Западной Европы отношение к творчеству Блоха всегда было не менее сложным. Данное с легкой руки О. Негта определение Блоха как «философа Октябрьской революции» активно используется консервативными критиками Блоха для дискредитации его идей. В то же время в начале XXI века особенно заметно, что наиболее интересные философские взгляды в XX веке были рождены именно контекстом глобальных революционных потрясений, и в этом смысле большинство ведущих философов XX столетия – «философы Октябрьской революции».

Между тем творческое наследие Блоха весьма актуально для постсоветской России. В этом нас убеждает недавно вышедшая книга Вершинина С. Е. «Жизнь – значит надежда. Введение в философию Эрнста Блоха». Продолжая линию, начатую переводом работы Э. Блоха «Тюбингенское введение в философию» (Екатеринбург, 1997), автор впервые в отечественной истории философии дает подробную характеристику политических, социологических, философских взглядов выдающегося немецкого философа XX в.

Работа начинается с изложения биографии Блоха в контексте исторических событий. Блох предстает как вечный странник, значительную часть жизни проведший в эмиграции: сначала в Швейцарии, отказываясь от участия в первой мировой войне, потом в США, спасаясь от преследования нацистов, затем в ФРГ, отказавшись вернуться в ГДР после возведения берлинской стены. Последнее обстоятельство может выглядеть парадоксальным, но в работе обосновывается мысль о трагизме последних этапов жизни (прежде всего лейпцигского, 1948–1961 гг.) Блоха и разрушения его надежд на обретение подлинной духовно-политической Родины. Интересно представлены противоречивые взаимоотношения Блоха с выдающимися людьми своего времени (В. Беньямином, Т. Адорно, М. Хоркхаймером, М. Хайдеггером, Б. Брехтом и т. д.). Подробно рассмотрены взаимоотношения молодых Блоха и Д. Лукача, расстроившиеся затем из-за теоретических разногласий.

Второй раздел работы посвящен политическим взглядам Блоха. Большой интерес представляет попытка автора реконструировать некоторые особенности политической культуры ГДР. Анализ особенностей административного антифашизма, потенциалов политического протеста и конформизма, трудностей политической самоидентификации позволяют по-новому взглянуть на историю ГДР и понять причины столь быстрого исторического краха этого государства, а также, на чем настаивает автор работы, несовместимости Блоха с существовавшим политическим режимом.

Большое место отведено анализу теории неодновременности Блоха как своеобразного и глубокого диагноза массового сознания немцев в связи с успехами национал-социализма. Социокультурная неодновременность является парадигмой исследования не только национал-социализма, но и любого общества, находящегося в процессе модернизации. В работе предпринимается интересная попытка рассмотреть некоторые особенности постсоветского общества (децентрализации, сегментации образа Родины) в рамках данной парадигмы.

В третьем разделе, посвященном анализу философских взглядов, рассматриваются антропологическая и онтологическая концепции Блоха. Началом анализа выступает модель человека, для которого исходным является ситуация само-неотождественности, фиксируемая в тезисе о «темноте проживаемого мгновения». Одним из самых любопытных моментов в книге является выделение категории «Еще-не-Осознанного» как одного из аспектов бессознательного, благодаря которому Блох выдвигает свою альтернативную по отношению к Фрейдю модель сознания. В связи с этим Блох предстает как мыслитель, подвергающий сомнению всю линию европейской философии, основанную на платонизме, а конкретнее, на признании решающей роли анамнезиса в познании и культуре и встающий в оппозицию по отношению к ней.

Большой интерес представляет анализ автором онтологии Блоха, где рассматриваются нетрадиционные понятия-метафоры («Не», «Все», «Еще-Не», «Ультимум», «Новум», «Фронт» и т. д.), а бытие предстает в виде «Еще-Не-Бытия» с еще не раскрывшейся и не развившейся сущностью, а весь мир – как непрерывно длящийся эксперимент.

Социальный, культурный и духовный опыт человечества в XX в. породил резко критическое отношение к утопизму и экспериментированию с важнейшими ценностями. Постмодернистское сознание настаивает на глубоко пагубном характере утопизма как своего рода грехе тотальной модернизации общества и культуры, как источнике всякого тоталитаризма. Отсюда ироническое и скептическое отношение в постмодернизме к надежде и утопии.

Блоховский пафос оправдания утопии лишен тех идеологических смыслов, которые неизбежно ведут к революциям и насилию. Понимая утопию прежде всего онтологически, Блох дает убедительную и отнюдь не трагическую интерпретацию человеческого бытия как деяния. Актуализируя многие идеи рубежа XIX–XX вв., связанные с открытием бытия как вечного становления, развертывания возможностей человеческой сущности, устремленности в будущее, Блох, по мнению автора, может оказаться совре-

меннее, чем постмодернистская парадигма, констатирующая конец субъекта и невозможность новаций.

Большое место в книге занимает анализ феномена надежды в христианской традиции и в философии Нового Времени. Интерпретация Блохом надежды оказывается связанной с предшествующими традициями, и в то же время отличается от них акцентом на практическую активность субъекта, связью со скрытыми тенденциями («латенциями») развивающегося мира. В связи с этим становится более понятным обоснование Блохом тезиса о так называемой «конкретной утопии». Понимая утопию функционально, как утопическую функцию, Блох рассматривает наличие этой функции у идеологии, архетипов, идеалов, символов и аллегорий. Неординарность мышления Блоха констатируется в его трактовке христианства как обладающего чертами утопии и атеизма.

На протяжении всей книги постоянно всплывает тема, актуально обсуждаемая также и в западной комментаторской литературе: насколько Блох был марксистом? Автор высказывает здесь свое мнение, которое заключается в том, что творчество Блоха нельзя сводить только к разрешению этой проблемы, поскольку оно гораздо шире. Данная точка зрения, на наш взгляд, может быть оспорена, а творческая эволюция Блоха может быть понята и как творческое развитие марксизма, и как спор с ним, и как постоянное несовпадение с ведущими философскими направлениями.

Однако в качестве доказательства своего положения автор приводит суждение самого Блоха, который выделял в марксизме холодное и теплое течения. Холодное течение в марксизме связано с анализом уже ставшего, причин и устоявшихся структур общества. Напротив, теплое течение направлено на поиск путей достижения нового общества, обнаружения нового, еще только формирующегося в социальной жизни.

Четвертая часть книги посвящена стилю Блоха. Автор настаивает на справедливости тезиса об экспрессионистском характере философских текстов Блоха. При этом подробно разбираются особенности языка Блоха – динамиче-

ская терминология, музыкальность, герменевтический подход к терминологии и к самой социальной реальности. Наиболее интересным, на наш взгляд, является анализ проблем перевода основных философских понятий, применяемых Блохом. Здесь рассматриваются вопросы соотношения активности и пассивности в этих понятиях, их процессуальный характер, латинизация философской терминологии как средство ее осовременивания, наконец, соотношение языковых картин общества и человека в немецкой и русской языковых традициях. Смысл всех рассматриваемых проблем сводится автором к утверждению необходимости включения теории и практики перевода философских текстов в историю философии, что сам автор и демонстрирует блестяще.

В приложении к книге приведены любопытные исторические документы: открытое письмо Блоху партийного руководства института философии Университета К. Маркса в Лейпциге, а также письмо В. Ульбрихта. Особенностью книги является также наличие большого массива примечаний, в которых можно найти множество исторических фактов и оригинальных суждений автора по рассматриваемым вопросам, благодаря чему эти примечания могут читаться как отдельная книга. В целом рецензируемая монография является, несомненно, первым фундаментальным исследованием философии Э. Блоха на русском языке.